

ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ СКРЫВАЕТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЫ МОЖЕМ ПРЕДСТАВИТЬ

ТАИНА МОНОЛИТА

ИНОГДА, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ПРАВДУ,
НУЖНО ЗАЙТИ ТУДА, ОТКУДА НЕТ ВОЗВРАТА

A. KOSH

Alex Kosh

Тайна Монолита

«Автор»

2026

Kosh A.

Тайна Монолита / А. Kosh — «Автор», 2026

Обычная школьная экскурсия к городку у края Чернобыльской зоны должна была закончиться к вечеру. Но в тот день земля вздрогнула, небо налилось багровым, и по округе прокатилась волна, плавящая металл. Выброс. Четырнадцатилетний Саша и его друг Семён успели нырнуть под школьный автобус за секунду до того, как мир перестал быть прежним. Когда всё стихло, знакомых дорог не было. Часть класса исчезла, а Зона — та самая, о которой раньше говорили шёпотом, — расползлась на десятки километров. Теперь среди аномалий, мутантов и людей страшнее мутантов двум подросткам предстоит выжить, найти уцелевших одноклассников и отыскать дорогу домой. Вот только чем дальше они идут, тем яснее становится: Зона расширилась не случайно. Она звала. И звала именно Сашу. Потому что в самом сердце Зоны бьётся древнее каменное сердце — Монолит. И обычный мальчишка оказался единственным ключом, что способен либо распахнуть эту рану мира настежь, либо закрыть навсегда.

© Kosh A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Первый день новой земли	11
Глава 3. Человек у костра	16
Глава 4. Первый урок Зоны	21
Глава 5. Хутор на болотах	26
Глава 6. Гнилые топи	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Alex Kosh

Тайна Монолита

Глава 1. Последний звонок перед Зоной

Будильник в телефоне Саши прозвенел в шесть сорок, но он уже давно не спал. Лежал, глядя в потолок, по которому ползли серые пятна рассвета, и слушал, как за стеной отец собирается на смену: звякала ложка о край кружки, шумел старый чайник, тихо бормотало радио. Обычное утро. Такое же, как сотни других. Никто в этом доме — да и во всём городе — не знал, что оно последнее из прежней жизни.

Саше было четырнадцать. Высокий для своих лет — под метр семьдесят, — с крепким спортивным телосложением и тёмно-каштановыми волосами, коротко остриженными на висках, он не любил утро и не любил школу, но сегодня всё было иначе. Сегодня был день экскурсии. Целый день без уроков, без контрольных, без нудного голоса завуча по громкой связи. Автобус, дорога, новый город — и ни одной формулы, которую нужно помнить.

Он скатился с кровати, натянул джинсы и любимую тёмно-зелёную куртку с потёртыми локтями, сунул в рюкзак бутылку воды, два бутерброда, которые мама завернула ещё с вечера, и старый фонарик — просто так, по привычке. Фонарик этот он таскал с собой везде с тех пор, как в четвёртом классе застрял в лифте на сорок минут. С тех пор темнота ему не нравилась.

— Не забудь куртку застегнуть, там ветер, — сказала мама на кухне, не оборачиваясь от плиты. — И держись рядом с классом. Не убегай никуда.

— Мам, мне четырнадцать.

— Вот именно. Самый возраст, чтобы влипнуть в историю.

Он усмехнулся, схватил бутерброд прямо со сковородки, обжёгся, переложил из руки в руку и, жуя, выскочил в подъезд. Если бы он тогда знал, насколько мама окажется права, он бы, наверное, никуда не пошёл. Но он не знал. Никто не знал.

Школьный двор гудел, как растревоженный улей. Возле старого жёлтого автобуса с надписью «Дети» на лобовом стекле толпился весь восьмой «Б» — тридцать с лишним человек, все разом говорили, смеялись, толкались. Рюкзаки, пакеты с едой, чей-то забытый зонт, запах свежего асфальта и утреннего дыма из соседних труб.

— Сашка! Сюда!

Семён махал ему рукой, стоя у задней двери автобуса. Семён был полной Сашиной противоположностью: крупный, круглолицый, с вечной улыбкой и неистощимым запасом дурацких историй. Они дружили с первого класса, с того дня, когда Семён поделился с новеньким Сашей половиной бутерброда с колбасой, а Саша в ответ дал ему списать домашку по математике. С тех пор так и повелось: Семён кормил, Саша думал. Их это устраивало обоих.

— Ты чего так долго? Я уже места занял, на заднем сиденье, у окна. Оттуда всё видно.

— И всё трясёт, — заметил Саша, забираясь в салон.

— Зато романтика.

Автобус внутри пах нагретым дерматином и чьими-то духами. Одноклассники рассаживались, перекрикиваясь через весь салон. Ленка Морозова, отличница и староста, уже раздавала всем какие-то листочки — маршрут экскурсии, который никто не собирался читать. Витька Скворцов, самый высокий в классе, застрял в проходе с гитарой, о которую все спотыкались. Близняшки Аня и Даша спорили, кому сидеть у окна, хотя окна были одинаковые.

А впереди, у водительского кресла, стоял Пётр Николаевич — учитель истории, руководитель их класса и организатор этой поездки. Немолодой, седоватый, в очках с толстой оправой

и вечном сером пиджаке, из карманов которого всегда торчали какие-то бумажки. Он пересчитывал детей по головам, шевеля губами, и хмурился, сбиваясь со счёта.

— Так, тихо! Тихо, я сказал! — Он поднял руку, и гул чуть притих. — Слушаем сюда. Едем мы сегодня в город Речной. Это старый промышленный городок, ему больше ста лет, там сохранился краеведческий музей, есть что посмотреть. От нас — часа три пути. Ведём себя прилично, из автобуса без разрешения не выходим, от группы не отбиваемся. Всем всё ясно?

— А почему именно Речной? — крикнул кто-то с середины салона. — Скучота же.

Пётр Николаевич поправил очки.

— Потому что это, между прочим, единственный музей в округе, куда нас согласились пустить бесплатно. И потому что там — граница. За Речным начинается закрытая территория. Дальше уже нельзя. — Он сделал паузу, и в этой паузе что-то мелькнуло, какая-то тень. — Чернобыльская зона отчуждения. Вы про неё в учебнике читали. Так вот, Речной стоит почти на самом её краю. Дальше — только колючая проволока, посты и тишина.

По салону прокатился шёпоток. Слово «Чернобыль» повисло в воздухе, тяжёлое и притягательное одновременно. Кто-то присвистнул. Кто-то сказал: «Круто». Ленка Морозова наморщила лоб и что-то записала в блокнот.

— А там правда светится всё? — спросил Семён, подавшись вперёд.

— Ничего там не светится, — устало ответил учитель. — Это радиация, а не гирлянда. Её не видно. Именно поэтому она опасна. Но мы туда не поедem, так что можете расслабиться. Мы будем в Речном, а это безопасно. Относительно.

Последнее слово он произнёс тихо, себе под нос, но Саша, сидевший ближе всех к проходу, его услышал. «Относительно». Странное слово для экскурсии.

Автобус чихнул, дёрнулся и тронулся. Школьный двор уплыл назад, за ним поплыли знакомые пятиэтажки, магазин на углу, ржавые качели во дворе. Город кончился неожиданно быстро, и за окном потянулись поля — серо-зелёные, ещё влажные после ночного дождя, с редкими перелесками и покосившимися столбами линий электропередач.

Первый час дороги прошёл шумно. Витька всё-таки достал гитару и брэнчал что-то нестройное, пока Пётр Николаевич не попросил его перестать. Близняшки играли в слова. Кто-то уже ел свои бутерброды, хотя не было ещё и девяти. Семён рассказывал Саше очередную историю — про то, как его дядя якобы видел в лесу под Речным «настоящего волка размером с телёнка», и Саша, привыкший к дядиным подвигам, только кивал и смотрел в окно.

А за окном мир постепенно менялся. Сначала едва заметно. Поля становились всё более запущенными — некошенная трава, бурьян в человеческий рост, брошенные фермы с провалившимися крышами. Деревни попадались всё реже, и в них всё меньше было признаков жизни: заколоченные окна, пустые дворы, ни машин, ни людей, ни собак. Один раз мелькнула табличка на обочине — выцветшая, ржавая, с полустёртой надписью и жёлтым треугольником. Саша не успел прочитать, что на ней написано, но треугольник он запомнил. Знак радиации.

— Смотри, — толкнул он Семёна. — Видел?

— Что?

— Знак. Радиация.

Семён прижался лицом к стеклу, но табличка уже осталась позади.

— Да ну, показалось тебе. Мы ж далеко ещё.

Но Саше не показалось. И ещё ему не понравилось, как выглядело небо впереди. Оно было не таким, как над их городом. Там, вдалеке, над горизонтом, где по идее должен был стоять Речной, воздух будто подрагивал — как над раскалённым асфальтом в июльский полдень. Только сейчас был не июль, а прохладное утро поздней весны, и никакого зноя не было. А воздух всё равно дрожал.

Он хотел сказать об этом учителю, но Пётр Николаевич задремал на переднем сиденье, уронив голову на грудь, и будить его из-за какого-то марева над горизонтом было глупо. Саша промолчал. Об этом он потом будет жалеть много раз.

Речной оказался маленьким и тихим. Автобус въехал в город по разбитой дороге, мимо старой водонапорной башни, мимо ряда двухэтажных домов с облупленной штукатуркой. Людей на улицах было мало — несколько пожилых прохожих, женщина с коляской, дворник, лениво возивший метлой по тротуару. Все они провожали жёлтый автобус долгими, странными взглядами. Будто удивлялись, что кто-то ещё сюда приезжает.

— Оживлённое местечко, — хмыкнул Семён. — Прямо мегаполис.

Музей стоял на центральной площади — приземистое здание с колоннами и выпуклым флагом над входом. Пётр Николаевич проснулся, пересчитал детей ещё раз, велел всем выходить по одному и не толкаться. Ребята высыпали из автобуса, разминая затёкшие ноги, и Саша первым делом посмотрел на небо.

Мареву никуда не делось. Наоборот, стало заметнее. Над крышами домов, над кромкой дальнего леса воздух дрожал и переливался, будто там, вдалеке, кто-то натянул тончайшую плёнку и теперь тряс её. И ещё была тишина. Ненормальная тишина. Ни птиц, ни ветра, ни привычного городского шума. Только шаги одноклассников по брусчатке да чей-то смех, который в этой тишине звучал слишком громко и как-то неуместно.

— Заходим, заходим! — торопил учитель. — Нас ждут.

В музее было прохладно и пыльно. Пожилая женщина-экскурсовод в вязаной кофте водила класс от витрины к витрине, рассказывая про историю Речного: про завод, который когда-то давал работу всему городу, про войну, про то, как строили и как всё пришло в упадок после того, как в восемьдесят шестом рвануло на станции. Голос у неё был тихий, монотонный, и половина класса уже откровенно скучала.

Саша слушал вполуха. Его внимание привлекла одна витрина в дальнем углу — небольшая, запylённая, с пожелтевшими фотографиями и какими-то приборами. Он подошёл ближе. На фотографиях были люди в военной форме и в странных костюмах, похожих на защитные, с масками и капюшонами. А рядом лежал прибор — чёрная коробочка со стрелкой и потёртыми надписями. Дозиметр. Саша узнал его по картинкам из интернета.

И тут он заметил, что стрелка дозиметра дрожит.

Прибор был старый, музейный, наверняка нерабочий — за стеклом, среди экспонатов. Но стрелка мелко-мелко подрагивала, будто прибор что-то чувствовал. Саша моргнул, наклонился ближе, прижался лбом к прохладному стеклу витрины. Нет, не показалось. Стрелка ползла. Медленно, но ползла — вправо, к красной зоне шкалы.

— Семён, — позвал он тихо. — Иди сюда.

— Чего там?

— Смотри. Он же выключенный. А стрелка двигается.

Семён посмотрел, пожал плечами.

— Ну, сломанный, наверное. Он старый вон какой.

— Сломанный так не двигается. Сломанный просто стоит.

Договорить он не успел. Потому что в этот самый момент погас свет.

Не мигнул, как бывает при перепадах напряжения. Погас — резко, полностью, будто кто-то одним движением выдернул рубильник из всего города разом. Музей провалился в серый полумрак, и по залу прокатился нестройный визг девчонок и удивлённые возгласы.

— Спокойно! — крикнул Пётр Николаевич где-то в темноте. — Наверное, авария на подстанции. Сейчас включат. Стойте на месте, никуда не расходимся!

Но свет не включили. Вместо этого началось другое.

Сначала — звук. Низкий, глубокий гул, который шёл не из динамиков и не с улицы, а будто из-под земли, из самых недр. Он нарастал медленно, вкрадчиво, и от него закладывало

уши и мелко подрагивали стёкла в витринах. Саша почувствовал его не столько ушами, сколько всем телом — вибрацию в груди, в костях, в зубах.

Потом задрожал пол. Мелко, потом сильнее. С полок посыпались экспонаты, зазвенело разбитое стекло, где-то с грохотом опрокинулась витрина. Экскурсовод закричала. Кто-то из ребят бросился к выходу.

— На улицу! — заорал Пётр Николаевич. — Все на улицу, к автобусу! Быстро!

Они высыпали на площадь, толкаясь и падая, и то, что они увидели, заставило всех замереть.

Небо горело.

Не пламенем — светом. Оно наливалось багровым, кроваво-красным заревом, которое расходилось от горизонта, оттуда, где стояла Зона, где раньше дрожало марево. Тучи закручивались в исполинскую спираль, и в центре этой спирали пульсировало что-то нестерпимо яркое, как второе солнце — только злое, мёртвое, неправильное. Воздух загустел так, что стало трудно дышать. Он пах озоном, палёной проводкой и ещё чем-то — сладковато-металлическим, от чего к горлу подкатывала тошнота.

Небо горело. Выброс над Речным.

— Что это?! — Семён вцепился Саше в рукав. Его круглое лицо было белым как мел.
— Сашка, что это такое?!

— Не знаю, — выдохнул Саша. — Не знаю. Но нам надо...

Договорить он опять не успел.

Со стороны Зоны, из-под этой багровой спирали, пошла волна. Её было видно — настоящую, физическую волну в воздухе, как круги по воде, только огромную, во весь горизонт. Она катилась к городу, и по мере её приближения происходило страшное. Дальний лес на её пути вспыхнул и осыпался пеплом за одно мгновение. Столбы линии электропередачи согнулись, как соломинки, и оплавилась. Стёкла в домах на окраине лопались все разом, с сухим треском, будто кто-то давил гроздь орехов.

И волна шла на них. Быстро. Очень быстро.

Люди на площади закричали и бросились врассыпную. Пётр Николаевич что-то кричал про автобус, но его никто не слушал. Класс рассыпался в панике — кто побежал в переулки,

кто застыл на месте, кто упал на колени, закрыв голову руками. Стройной группы, которую учитель так старательно пересчитывал всё утро, больше не было. Был хаос.

Саша соображал быстро. Всегда соображал быстро — за это Семён его и ценил. Он понял главное: до автобуса не добежать, до дверей музея тоже, а прятаться в домах, где сейчас лопаются все стёкла, — верная смерть. Волна накроет их раньше. Нужно было что-то низкое, тяжёлое, к чему можно прижаться, чтобы волна прошла поверху.

Его взгляд метнулся по площади и упёрся в автобус. Старый, тяжёлый, на высоких колёсах. Между днищем и брусчаткой — просвет. Достаточный, чтобы туда протиснуться.

— Сёма! За мной! Под автобус, живо!

Он рванул Семёна за куртку, и они побежали. Не к дверям автобуса — под него. Волна была уже совсем близко, гул превратился в рёв, воздух раскалился, обжигая лёгкие. Саша краем глаза видел, как оседает багровое зарево, как приближается стена мерцающего, искажённого воздуха.

Он нырнул под автобус первым, ободрав ладони о брусчатку, и втащил за собой Семёна — грузного, неповоротливого, застрявшего было на входе. Они забились в самую середину, под ось, вжались в холодный камень, обхватили головы руками.

— Не дыши глубоко! — крикнул Саша, сам не зная, откуда взял эту мысль. — Рот закрой! Прижмись!

И тут волна ударила.

Мир перестал существовать. Был только рёв — оглушительный, всепоглощающий, стирающий все мысли. Автобус над ними тряхнуло так, что он подпрыгнул на рессорах и осел, просев на спущенных в один миг колёсах. По металлу заскрежетало, будто гигантская рука провела когтями по кузову. Волна горячего, плотного воздуха хлестнула под днище, обожгла спину даже сквозь куртку, забила рот и нос запахом озона и гари. Брусчатка под щекой Саши завибрировала и стала тёплой.

Он не знал, сколько это длилось. Секунды? Минуты? Время растянулось, размазалось, потеряло смысл. Он просто лежал, вжавшись в камень, зажмурившись до боли, и держал за рукав Семёна — чтобы знать, что тот ещё здесь, что он не один.

А потом всё кончилось.

Так же резко, как началось. Рёв оборвался. Гул стих. Осталась только тишина — звенящая, ватная, давящая на уши сильнее любого грохота. Где-то капала вода. Что-то потрескивало, остывая. И больше — ничего.

Саша открыл глаза. Прямо перед его лицом была ось автобуса и кусок оплавленной, оплывшей резины — то, что осталось от колеса. Он осторожно повернул голову. Семён лежал рядом, живой, с зажмуренными глазами, беззвучно шевеля губами — то ли молился, то ли считал.

— Сёма. Сёма, всё. Кончилось.

Семён открыл один глаз, потом второй.

— Мы... мы живые?

— Вроде да.

Они выбирались из-под автобуса медленно, осторожно, как два зверька из норы. Ладони саднило, спина горела, в ушах звенело. Саша выполз первым, поднялся на дрожащих ногах — и застыл.

Города больше не было.

То есть дома стояли — но не все, и не такие. Половина зданий на площади осела, будто оплыла, стены пошли трещинами, крыши провалились. Асфальт вспучился волнами и застыл. От музея остался закопчённый остов с обвалившимися колоннами. А главное — не было людей. Ни прохожих, ни экскурсовода, ни одноклассников. Площадь была пуста. Только их

жёлтый автобус стоял посреди неё — оплавленный, осевший на брюхо, с лопнувшими стёклами, но целый. Он принял удар на себя. Он их спас.

— Где все? — прошептал Семён, озираясь. — Сашка, где все наши? Где Пётр Николаевич? Где... где хоть кто-нибудь?

Саша не ответил. Он смотрел на небо. Багровое зарево ушло, но небо не стало прежним. Оно было тускло-жёлтым, больным, затянутым не то дымкой, не то пеплом, и солнце просвечивало сквозь него мутным белым пятном. Воздух пах гарью и тем самым сладковато-металлическим запахом, от которого мутило. А там, на горизонте, где раньше дрожало марево и откуда пришла волна, теперь стояла стена. Серая, плотная, уходящая в небо стена тумана — и она была ближе, чем утром. Гораздо ближе. Будто Зона сделала шаг вперёд. Шагнула к ним.

— Сёма, — сказал Саша тихо, и собственный голос показался ему чужим. — Я не знаю, где все. Но я знаю одно.

— Что?

— Мы больше не в Речном. И это, — он кивнул на серую стену на горизонте, — это уже не там, где было утром. Оно теперь здесь. Вокруг нас.

Семён сглотнул. Посмотрел на оплавленный автобус, на пустую площадь, на большое жёлтое небо. И задал вопрос, на который у Саши не было ответа — и не будет ещё очень долго.

— И что нам теперь делать?

Ветер — первый ветер за всё утро — качнул обломок таблички у входа в разрушенный музей. Она скрипнула, повернулась, и на ней проступила полустёртая надпись, которую Саша так и не смог прочитать утром, в автобусе. Теперь смог. Три слова, выведенные облупившейся краской под жёлтым треугольником:

«ЗОНА. ВХОД ЗАПРЕЩЁН».

Только теперь запрещать было некому. И входить было некуда — потому что они уже были внутри.

Глава 2. Первый день новой земли

Они простояли посреди площади, наверное, целую минуту, не говоря ни слова. Просто смотрели. На большое жёлтое небо, на оплывшие дома, на серую стену тумана, которая стояла на горизонте и, казалось, чуть заметно дышала — то придвигаясь, то отступая. Тишина давила. Она была неправильной, эта тишина: в разрушенном городе должно что-то гореть, трещать, кричать, а тут — ничего. Только их собственное дыхание да далёкий, едва слышный звон в ушах, оставшийся после волны.

Первым не выдержал Семён.

— Надо кого-то найти, — сказал он, и голос у него дрогнул. — Наши же где-то тут. Не могли они все просто... исчезнуть. Правда же, Саш? Они где-то спрятались, как мы. В подвале там, или в домах...

— В домах, где все стёкла полопались? — Саша сам не хотел, чтобы это прозвучало так резко, но получилось резко. Он увидел, как Семён сжался, и добавил мягче: — Извини. Давай поищем. Только держимся вместе. И тихо. Не нравится мне эта тишина.

Они пошли вдоль площади, обходя вспучившийся асфальт и куски рухнувшей кладки. Саша всё время оглядывался на автобус — жёлтый, осевший на брюхо, он был единственной знакомой вещью в этом чужом, изломанном мире, и уходить от него было страшно. Как отпустить руку в темноте.

— Пётр Николаевич! — крикнул Семён, сложив ладони рупором. — Ленка! Витька! Есть кто живой?!

Крик улетел в пустые улицы и не вернулся даже эхом. Будто город проглотил звук.

— Не ори, — тихо сказал Саша. — Пожалуйста.

— Почему?

— Не знаю. Просто... не надо. Чувствую так.

И Семён послушался. Он всегда слушался, когда Саша говорил таким голосом — тихим и очень серьёзным. За годы дружбы он усвоил: если Сашка перестаёт шутить и говорит вот так, значит, дело плохо, значит, надо делать, как он сказал, и не спорить.

Они свернули в переулок за музеем. Здесь разрушений было меньше — дома стояли целые, только без стёкол, и двери некоторых были распахнуты, будто хозяева выбегали в спешке. Саша заглянул в один двор. Верёвка с бельём, детский велосипед у крыльца, перевёрнутая миска. И ни души. Он позвал — тихо, вполголоса. Никто не откликнулся.

— Смотри, — Семён показал на землю.

На пыльной дороге были следы. Много следов — отпечатки кроссовок, ботинок, вперемешку, ведущие прочь из центра, в сторону дальней окраины, туда, где начинались поля. Их следы. Следы класса.

— Они туда побежали, — обрадовался Семён. — Значит, живые! Пошли за ними!

— погоди. — Саша присел, разглядывая отпечатки. Что-то в них было не так, но он не сразу понял что. А потом понял, и по спине пробежал холодок. Среди следов кроссовок и ботинок был ещё один. Крупный, четырёхпалый, с глубокими вмятинами от когтей. Собачий — но огромный, размером с ладонь взрослого мужчины. И он шёл поверх человеческих следов. То есть кто-то — или что-то — прошло этой дорогой уже после ребят.

Он не сказал Семёну про четвёртый след. Просто выпрямился и кивнул:

— Пошли. Только тихо и рядом. И если я скажу «стой» — стоишь. Скажу «беги» — бежишь и не оглядываешься. Договорились?

— Ты меня пугаешь.

— Хорошо. Пугайся. Пуганый — живой.

Дорога вела их через город к окраине. Чем дальше от центра, тем целее были дома, но тем сильнее становилось ощущение чужого, враждебного пространства. Воздух местами странно мерцал — совсем как марево над горизонтом утром, только маленькими пятнами, прямо здесь, на уровне земли. Одно такое пятно висело посреди улицы, дрожа и переливаясь, и Саша, сам не зная почему, обошёл его по широкой дуге, потянув за собой Семёна.

— Ты чего? Это ж просто воздух горячий.

— Не трогай его. Видишь, как дрожит? Ничего вокруг не дрожит, а он дрожит. Значит, там что-то не то.

И, будто в подтверждение его слов, из ближайшего двора вылетела ворона — обычная чёрная ворона, каркнула, взмахнула крыльями и по глупости своей залетела прямо в мерцающее пятно.

То, что случилось дальше, Саша запомнил на всю жизнь.

Воздух в пятне схлопнулся с сухим, коротким хлопком — будто лопнул огромный мыльный пузырь. Ворону сплющило, скрутило, вмяло саму в себя за долю секунды, и на землю упало то, что раньше было птицей, — маленький, аккуратный комок, из которого не вытекло ни капли крови. А пятно снова задрожало, мирно и невинно, как ни в чём не бывало.

Семён издал сдавленный звук и отшатнулся, вцепившись Саше в плечо. Его вырвало бы, наверное, если бы в желудке хоть что-то было.

— Оно... оно её... — Он не мог договорить.

— Видел? — Саша был бледный, но говорил спокойно, заставляя себя говорить спокойно, потому что если запаникует он — запаникует и Семён, а тогда конец им обоим. — Вот поэтому не трогаем то, что дрожит. Запомнил?

— Запомнил, — прошептал Семён. — Господи, запомнил. На всю жизнь запомнил.

Они обошли пятно ещё шире, чем в прошлый раз, и пошли дальше. Теперь Семён не отставал ни на шаг и не спорил. Страх, настоящий, животный страх, сделал то, чего Саша не смог добиться словами: заставил друга смотреть в оба и ступать след в след.

Солнце — мутное белое пятно за жёлтой пеленой — переползло к западу. Стало холоднее. Саша поймал себя на том, что дико хочет пить, но открывать рюкзак и доставать бутылку было почему-то страшно — будто любое лишнее движение могло привлечь внимание чего-то, что следило за ними из пустых окон. А ощущение слезки не проходило. Наоборот, крепло.

Дорога вывела их к окраине, к длинному одноэтажному зданию с выбитой вывеской — не то склад, не то бывший магазин. И вот здесь следы обрывались. Точнее, здесь они рассыпались во все стороны, перемешались, и стало ясно: тут кто-то был совсем недавно. Земля была утоптана, у стены валялся знакомый предмет — розовый рюкзак с блёстками. Рюкзак Ани, одной из близняшек.

— Аня! — не удержался Семён, кинувшись к рюкзаку. — Даша! Вы тут?

— Тихо! — зашипел Саша, но было поздно.

Из глубины склада, из темноты за выбитой дверью, донёсся звук. Не человеческий. Низкое, утробное рычание, от которого завибрировал воздух, а по коже поползли мурашки. А потом — стук когтей по бетону. Медленный. Приближающийся.

Саша схватил Семёна за куртку и рванул назад, за угол здания, вжав его и себя в стену. Он прижал палец к губам. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за версту.

Из дверного проёма на серый свет вышло оно.

Это была собака. Когда-то, наверное, была собакой. Но теперь — облезлая, поджарая, с торчащими сквозь серую кожу рёбрами, со слишком длинными лапами и вытянутой, безглазой мордой. Глаз у неё не было — только гладкая кожа там, где им положено быть. Но она ошибочно повернула голову в их сторону, потянула носом воздух и снова зарычала — глухо, голодно. За ней из темноты выступила вторая. Потом третья. Стая.

— Саш, — одними губами выдохнул Семён. — Что делаем?

Саша лихорадочно осматривался. Бежать по прямой — догонят, у них четыре лапы, а у ребят две. Спрятаться в здании — там их логово. Оставалось одно. В нескольких метрах, у стены склада, стояла ржавая пожарная лестница, ведущая на плоскую крышу. Собаки — если это ещё собаки — по лестницам не лазают.

— Видишь лестницу? — прошептал он. — На счёт три бежим к ней. Ты первый, я за тобой, подсажу. Не оглядывайся. Раз... два...

Одна из тварей припала на передние лапы, готовясь к прыжку.

— Три!

Они рванули одновременно. Семён, вопреки всем ожиданиям, оказался быстрым — страх подбросил его, как пружина, и он преодолел несколько метров до лестницы раньше, чем Саша успел договорить. За спиной ударил по бетону тяжёлый прыжок, лязгнули зубы. Саша не оглядывался — он подтолкнул Семёна снизу, вцепился в холодные ржавые перекладки и полез следом, чувствуя, как что-то рвануло его за штанину. Ткань затрещала, разошлась, но он уже был выше, вне досягаемости.

Тварь внизу взвыла — не по-собачьи, тонко и злобно — и подпрыгнула ещё раз, скребя когтями по стене. Лестница задрожала под её ударом. Но забраться слепая псина не могла. Она металась внизу, задрав безглазую морду, и остальные две крутились рядом, рыча и щёлкая пастьми.

Саша перевалился через край крыши и рухнул на горячий рубероид рядом с Семёном. Оба тяжело дышали, глядя в жёлтое небо.

— Живой? — выдавил Саша.

— Штаны мокрые, — честно ответил Семён. — В остальном живой.

Саша, несмотря ни на что, коротко, нервно хохотнул. И сам удивился, что ещё способен смеяться.

Они лежали, пока дыхание не выровнялось, а потом осторожно подползли к краю и заглянули вниз. Твари не ушли. Они расселись у подножия лестницы — три облезлые, безглазые тени — и терпеливо ждали. Одна время от времени поднимала морду и принюхивалась, будто проверяя, не спустилась ли добыча.

— И долго они так будут? — прошептал Семён.

— Не знаю. Пока не надоест. Или пока не найдут кого повкуснее. — Саша сел, привалившись спиной к торчащей из крыши трубе, и наконец решился достать из рюкзака бутылку. Отпил сам, протянул другу. — Пей понемногу. Неизвестно, где следующую возьмём.

Семён сделал пару глотков и вернул бутылку. Руки у него дрожали.

— Саш. Аня. Её рюкзак там, у стены. А самой её... — Он сглотнул. — Ты думаешь, эти твари...

— Не думаю, — быстро сказал Саша. И сам не понял, соврал он или нет. — Рюкзак можно бросить и убежать. Она бросила и убежала. Наверняка.

Он говорил это, чтобы Семён не раскис. Но где-то внутри уже понимал: с одноклассниками случилось что-то плохое. Иначе почему пусты все дома, почему на дороге поверх человеческих следов — когтистые, почему во всём этом городе они до сих пор не встретили ни единой живой души?

С крыши было видно далеко. Саша поднялся на ноги, придерживаясь за трубу, и осмотрелся — и то, что он увидел, окончательно убило в нём надежду на то, что всё скоро закончится.

Речной был островом. Со всех сторон, куда ни глянь, стоял тот самый серый туман — плотной, клубящейся стеной, выше самых высоких деревьев. Он окружал город кольцом, и в нём то и дело вспыхивали и гасли тусклые огоньки, беззвучные зарницы. Дорога, по которой они утром приехали, — та, что вела домой, — уходила в этот туман и обрывалась. Не сворачивала, не терялась за холмом. Просто обрывалась, будто её отрезали ножом. За стеной тумана не было ничего. Или было — но что-то совсем другое.

Речной был островом, окружённым стеной тумана.

— Сёма, — тихо позвал Саша. — Иди сюда. Только держись.

Семён подполз, встал рядом, посмотрел. Долго молчал.

— Это что, — наконец выговорил он, — это что, теперь всё такое? Везде?

— Похоже на то.

— А дом? А наши родители? Мамка моя? — Голос Семёна сорвался. — Они там, за туманом? Или тоже... как город?

— Не знаю. — Саша положил руку ему на плечо. Это было всё, что он мог сделать. — Слушай меня. Мы не знаем, что там, за туманом. Может, там нормально. Может, наши уже дома, а мы тут застряли. Мы не знаем. И пока не знаем — рано хоронить. Понял? Рано.

Семён кивнул, шмыгнул носом, вытер лицо рукавом.

— Понял. Ты прав. Ты всегда прав, зараза. — Он попытался улыбнуться, и получилось почти. — И чего теперь? С крыши-то как? Внизу эти сидят.

Саша снова оглядел крышу — уже не в панике, а внимательно, по-хозяйски, как учил когда-то отец: «Попал в беду — не мечись, а смотри, что у тебя есть». А было у них: плоская крыша склада, ржавая труба, обрывки старого шифера в углу и — Саша пригляделся — переход на соседнюю крышу. Здания стояли вплотную, и с этого склада по низкому парапету можно было перебраться на крышу соседнего дома, а оттуда, если повезёт, — уйти от собак верхом, поверху, не спускаясь на землю.

— Есть идея, — сказал он. — Пойдём по крышам. Твари внизу, а мы поверху. Оторвёмся, спустимся где-нибудь подальше и поищем, где переночевать. Скоро стемнеет, а ночью я вниз ни ногой.

— По крышам... — Семён с сомнением посмотрел на щель между зданиями. — А если свалимся?

— Не свалимся. Тут узко. Перешагнём.

Солнце опускалось за туманную стену, и жёлтое небо медленно наливалось грязно-оранжевым. Где-то далеко, в глубине Зоны, снова родился звук — протяжный, тоскливый вой, подхваченный сразу несколькими глотками. Собаки под лестницей вскинули морды и заскулили в ответ, беспокойно, будто им это не нравилось.

— Слышал? — Семён поёжился. — Это не они. Это где-то там. Далеко.

— Значит, тем более пора уходить. — Саша закинул рюкзак за спину, затянул лямки потуже. — Пока эти отвлеклись. Давай, за мной. Тихо ступай, по самому краю, где стена держит.

И они пошли — двое мальчишек по крышам мёртвого города, под чужим оранжевым небом, окружённые стеной тумана, за которой остался весь их прежний мир. Первый день новой земли подходил к концу. Саша ещё не знал слова, которым это всё называлось. Он узнает его позже, от чужого человека у костра. Короткое, злое слово.

Зона.

Глава 3. Человек у костра

По крышам они ушли далеко — дома в этой части Речного стояли вплотную, стена к стене, и мальчишки перебирались с одной плоской кровли на другую, стараясь не смотреть вниз, где в сгущающихся сумерках всё ещё мелькали серые тени слепых псов. Твари не отставали долго, трусили по земле следом, задрав безглазые морды, но в конце концов отвлеклись на что-то в переулках и растворились в темноте. К тому времени, когда небо из грязно-оранжевого стало пепельно-серым, Саша и Семён были уже в трёх кварталах от склада, на крыше двухэтажного дома с чердачным окном.

— Всё, — выдохнул Саша, опускаясь на корточки у тёплой ещё от дневного солнца трубы. — Дальше по крышам не пройти. Вон, разрыв. — Он кивнул на провал между домами, слишком широкий, чтобы перепрыгнуть. — Спускаемся через чердак. Только тихо.

Чердачное окно поддалось не сразу — рама разбухла, перекосилась, — но вдвоём они его выдавили и один за другим спустились в затхлую темноту чердака. Саша достал фонарик — тот самый, из четвёртого класса, — и узкий жёлтый луч выхватил из мрака стропила, паутину, гору старого хлама. Люк вниз, в квартиру, нашёлся в углу.

Квартира на втором этаже оказалась пустой и целой — стёкла выбиты, но стены держались, дверь была заперта изнутри на щеколду. Кто-то жил здесь до выброса: на стенах фотографии, на кухне посуда, в шкафу одежда. Хозяев не было. Ни живых, ни... других. Просто ушли и не вернулись.

Саша прошёлся по комнатам, светя фонариком. Обычная квартира — две комнаты, кухня, узкий коридор. На стене в рамке — свадебная фотография: молодые мужчина и женщина, счастливые, в чужой, довыбросовой одежде. На холодильнике магнетики, детский рисунок, приклеенный скотчем, — кривое солнце и три фигурки, держащиеся за руки. В детской комнате — кровать, игрушки, на подоконнике засохший цветок в горшке. Всё это когда-то было чьим-то домом, чьей-то жизнью, полной обычных мелочей. А потом за одну ночь всё кончилось.

— Не свети туда, — тихо сказал Семён, отворачиваясь от детской. — Не надо. Жутко.

Саша молча погасил фонарик в той комнате. Семён был прав. От этих следов чужой оборванной жизни было тяжелее, чем от воя за окном. Будто заглядываешь туда, куда не звали.

— Ночуем тут, — решил Саша, задвинув на место щеколду и для верности приперев дверь тяжёлым комодом. — Дверь крепкая, второй этаж, с улицы не залезешь. Окна занавесим — свет наружу не должен пробиваться.

— А поесть? — жалобно спросил Семён. — У меня со вчера маковой росинки не было. То есть с сегодня. С утра. — Он запутался и махнул рукой. — Короче, жрать хочу.

У Саши было два бутерброда. Он достал оба, отдал один Семёну целиком, а свой разломил и половину сунул обратно в рюкзак — на утро. Ели молча, в темноте, сидя на полу спиной к стене. Бутерброд с маминой котлетой показался Саше самым вкусным в жизни. Он старался не думать о маме. Получалось плохо.

— Как думаешь, — тихо спросил Семён, дожёвывая, — они там как? Наши. Мамка твоя, моя. Они ж, наверное, с ума сходят. Нас ищут.

— Не знаю, Сем. — Саша смотрел в темноту. — Я стараюсь про это не думать. А то совсем расклеюсь. Давай так: мы просто выберемся. И всё. Не будем гадать, что там. Будем идти и выбираться. Шаг за шагом.

— Ага. — Семён помолчал. — Слушай, а помнишь, мы в прошлом году в поход ходили, с классом, на речку? И ты ещё котелок в воду уронил, а Пётр Николаевич тебя гонял? Вот это

было приключение так приключение. — Он невесело усмехнулся в темноте. — Я тогда думал — вот, экстрим. Дурак был. Знал бы, что такое настоящий экстрим...

Саша тихо фыркнул — почти смех. И от этого маленького общего воспоминания, глупого и тёплого, обоим стало чуть легче. Родной мир не исчез совсем, пока они помнили его вдвоём.

За окном окончательно стемнело. И темнота Зоны оказалась совсем не такой, как темнота их родного города. Там ночью всегда были огни — фонари, окна, фары машин. Здесь же была настоящая, первобытная тьма, в которой рождались звуки. Далёкий вой. Скрежет. Иногда — тихий, вкрадчивый шорох под окнами, от которого оба замирали и переставали дышать. А однажды где-то совсем близко раздался звук, которого Саша не забудет никогда: тонкий, почти человеческий плач, будто плакал ребёнок, — но что-то в нём было такое неправильное, такое ненастоящее, что волосы на голове шевелились.

— Не слушай, — прошептал Саша, когда Семён вздрогнул и подался к окну. — Не смотри туда. Что бы там ни плакало — это не ребёнок. Сядь на место.

Они не спали почти всю ночь. Дежурили по очереди, хотя какой из этого был толк — что бы они сделали, если бы в дверь полезло что-то из этой темноты? Но вдвоём в темноте не спать было всё же легче, чем одному. Под утро, когда небо за занавеской начало сереть, оба всё-таки задремали, привалившись друг к другу, — и тут Саша проснулся оттого, что Семён тряс его за плечо.

— Саш. Саш! Смотри. Там свет.

Саша подобрался к окну, осторожно отвёл край занавески. В сером предрассветном сумраке, через два двора, в окне полуразрушенного дома дрожал живой оранжевый огонёк. Костёр. Маленький, укрытый, но — настоящий костёр. А у костра сидел человек.

У костра сидел человек — первый живой за эти страшные сутки

Не тварь. Не тень. Человек — Саша видел силуэт: широкие плечи, капюшон, что-то вроде длинного плаща или брезентового балахона. Человек сидел неподвижно, спиной к ним, и грел руки над огнём. Рядом, прислонённое к стене, стояло что-то длинное. Саша не сразу понял что, а когда понял, сердце заколотилось. Ружьё.

— Пойдём к нему! — зашептал Семён, дёргая друга за рукав. — Это же человек! Живой! Он поможет, он тут, наверное, знает всё, он...

— Тихо. — Саша не отрывал глаз от фигуры. — Тихо, дай подумать.

Он думал. С одной стороны — первый живой человек за эти жуткие сутки. Взрослый, с оружием, с огнём, явно знающий, как здесь выживать, — иначе как бы он тут оказался? С другой... Саша вспомнил четырёхпалый след поверх следов класса. Вспомнил бандитов из дядиных баек Семёна — про то, что в закрытой зоне полно всякого лихого люда. Человек с ружьём в мёртвом городе — это спасение. Или это конец. И заранее не угадаешь.

— Слушай меня, — сказал он наконец. — Пойдём. Но осторожно. Не высказываем, не орём. Подойдём тихо, посмотрим издали. Если нормальный — заговорим. Если что не так — уходим, и он нас даже не заметит. Понял?

— Да когда ты уже перестанешь всего бояться, — проворчал Семён, но по глазам было видно: он и сам боится, просто голод и надежда пересиливали страх.

Они выбрались из квартиры тем же путём — через чердак, потом по пожарной лестнице во двор. Утренний воздух был сырой и холодный, пах гарью и той самой сладковатой металлической ноткой, что появилась после выброса. Двор за двором, вдоль стен, пригибаясь, они подобрались к дому с костром. Саша заглянул в пустой оконный проём.

Вблизи человек выглядел ещё внушительнее. Немолодой — из-под капюшона выбивались седые волосы, лицо обветренное, заросшее короткой седой щетиной, с глубокими морщинами. Брезентовый плащ, под ним что-то вроде потёртой брони, на поясе — подсумки, фляга, нож. Ружьё он теперь держал на коленях. И, не оборачиваясь, не поднимая головы от огня, вдруг сказал спокойным, хрипловатым голосом:

— Ну хватит там сопеть в окне. Замёрзли, поди. Заходите, раз пришли. Только медленно. И руки чтоб видел.

Саша похолодел. Он был уверен, что они подобрались бесшумно. А этот человек слышал их, наверное, ещё от соседнего двора.

Отступать было поздно. Саша выпрямился, положил руку Семёну на плечо — «за мной, тихо» — и они вошли через дверной проём внутрь, держа руки на виду. Человек наконец повернул голову, и они увидели его глаза — светлые, выцветшие, очень внимательные. Такими глазами отец Саши смотрел на технику, прежде чем решить, чинить её или выбрасывать. Оценивающими.

Несколько секунд он молча их разглядывал. Двух пацанов — грязных, ободранных, в школьных куртках, с одним детским рюкзаком на двоих. И что-то в его лице дрогнуло — не то удивление, не то злость, не то жалость.

— Твою ж мать, — сказал он тихо. — Дети. Откуда вы тут взялись, а? Тут детей быть не должно. Тут вообще никого быть не должно.

— Мы... на экскурсию приехали, — выдавил Семён. — Классом. В музей. А потом это... рвануло. И все пропали, а мы под автобусом спрятались, и...

— Под автобусом, — повторил человек. Он смотрел на них уже иначе — с каким-то мрачным пониманием. — Под автобусом, значит. Во время выброса. — Он покачал головой и вдруг коротко, невесело усмехнулся. — Знаете, пацаны, сколько народу я видел, которые в бетонных бункерах от выброса прятались — и не выжили? А вы под автобусом. Повезло вам так, что и не расскажешь никому — не поверят.

Он подвинулся, освобождая место у костра, кивнул:

— Садитесь. Грейтесь. И рассказывайте — только толком, по порядку. А я подумаю, что с вами, горе луковое, теперь делать.

Они сели. Тепло костра после ледяной ночи было таким блаженным, что Семён чуть не застонал. Человек порывлся в своём мешке, достал две банки тушёнки, вскрыл ножом, протянул мальчишкам вместе с помятой ложкой — одной на двоих.

— Ешьте. По очереди. И медленно, а то с голодухи скрутит.

Пока они по очереди ели тёплую, невыразимо вкусную тушёнку, человек молчал, подкидывал в огонь щепки и посматривал то на них, то на сереющий за проёмом двор. Саша украдкой разглядывал его. Всё в этом человеке говорило о том, что он тут давно и всерьёз: как ловко у него всё было пригнано и подвязано, чтоб не бренчало; как он сидел — вроде расслабленно, а на самом деле в любой миг готов вскочить; как, не глядя, чувствовал темноту за спиной. Отец Саши так же собранно работал с опасными станками. Только тут станком была вся Зона.

А когда банки опустели, человек заговорил:

— Ну. Меня Кордоном кличут. Погоняло такое, кличка. Настоящее имя тут ни к чему, забудете за неделю. Я — сталкер. Слово знаете?

Мальчишки помотали головами.

— Сталкер — это тот, кто по Зоне ходит. По этой вот, — он повёл рукой вокруг, обводя мёртвый город, туман, жёлтое небо. — Зона. Так это всё называется. Была она раньше — там, — он махнул на север, — за колючкой, вокруг станции. Небольшая. Погано, конечно, но жить можно было, кто с головой. А вчера... — Он помрачнел. — Вчера её будто с цепи спустили. Такого выброса я за пятнадцать лет не видел. Она разом раздалась во все стороны. Речной ваш, что на самом краешке стоял, — теперь в глубине. И города, что за ним, тоже, поди, накрыло. Далеко достало. Очень далеко.

— Пятнадцать лет? — не удержался Саша. — Вы тут пятнадцать лет живёте? Как?

Кордон посмотрел на него, и в выпетших глазах что-то мелькнуло — не то усмешка, не то давняя боль.

— Как-как. Живу. — Он пожал плечами. — Была у меня прежняя жизнь, там, снаружи. Была, да сплыла. Долгая история и невесёлая. — По тому, как он это сказал, Саша понял: расспрашивать не надо. — С тех пор Зона мне дом. Тут хоть понятно, кто враг. А снаружи было... — Он не договорил. Махнул рукой. — Неважно. Не про то речь.

— А как вы выживаете? — спросил Семён, у которого от сытости и тепла развязался язык. — Тут же всё убить хочет. Мы за один день чуть три раза не померли.

— Головой выживаю, — коротко ответил Кордон. — В Зоне живёт не самый сильный и не самый смелый. В Зоне живёт самый осторожный. Тот, кто сто раз проверит, прежде чем шаг ступить. Кто не жадничает, не геройствует, не лезет, куда не звали. Смелых да жадных Зона первыми прибирает. — Он подкинул в огонь щепку. — Вот вы сегодня живы почему? Потому что ты, — он кивнул на Сашу, — сообразил под автобус нырнуть, а не бежать сломя голову. И на псов не полез, а на крышу ушёл. Голова у тебя работает, пацан. Это хорошо. Это в Зоне дороже любого ружья.

Саша невольно порозовел от этой скупой похвалы. А Кордон уже повернулся к Семёну:

— А ты, толстый, чем силён?

— Я? — растерялся Семён. — Ну... я это... я не бросаю. — Он глянул на Сашу. — Я Сашку никогда не брошу. Мы с первого класса.

Кордон посмотрел на него долгим взглядом, и суровое лицо чуть смягчилось.

— Знаешь что, — сказал он неожиданно серьёзно. — Это, может, поважнее головы будет. В Зоне поодиночке — верная смерть. А кто спину друг другу прикрывает да не бросает — те выживают. Держись этого, малой. Не бросать своих — это, считай, главный закон. Единственный, который тут ещё чего-то стоит.

— А наши? — не выдержал Семён, будто эти слова напомнили ему. — Класс наш? Родители? Они за туманом. Там же... там нормально ещё, да?

Кордон посмотрел на него долгим взглядом и не стал врать.

— Не знаю, малой. Врать не буду — не знаю. Может, отсиделись где. Может, эвакуировали кого военные — они по краю мечутся, вертолёты гоняют. А может... — Он не договорил. — Тут, в Зоне, кто быстро учится правде в глаза смотреть — тот дольше живёт. Так что

запоминай главное правило: сначала выживи. Потом ищи. Мёртвый ты никому не поможешь — ни себе, ни матери.

Он поднялся, закинул ружьё за спину, затоптал костёр.

— А теперь слушайте меня в оба уха. Я вас тут не брошу — не по-людски это, детей одних в Зоне бросать. Но и нянкой вашей быть не нанимался. Поэтому уговор такой: я довожу вас до места, где люди. Настоящие люди, не такие, как эти. — Он снова кивнул куда-то в туман. — Там есть кому вами заняться, там торговцы, там связь какая-никакая, там про эвакуацию узнаете. А по дороге вы делаете ровно то, что я говорю. Сказал «стой» — встал. Сказал «замри» — врос в землю. Сказал «беги» — бежишь и не думаешь. От этого зависит, доживёте вы до вечера или нет. Всё ясно?

— Ясно, — в один голос сказали мальчишки.

— Ну и славно. — Кордон впервые за всё время чуть заметно улыбнулся уголком рта. — Как звать-то вас, спасённые?

— Саша.

— Семён.

— Саша да Семён. — Он хмыкнул. — Ладно. Держитесь за мной, Саша да Семён. И запоминайте всё, что покажу. В Зоне глупых не бывает. В Зоне бывают только живые и мёртвые. А между ними — те, кто ещё учится.

Он шагнул в дверной проём, в серый рассветный туман, и, не оборачиваясь, махнул рукой — за мной. И мальчишки пошли. За чужим, суровым человеком по кличке Кордон, в неизвестность, в глубину новой, огромной, страшной Зоны — но впервые за эти сутки они шли не одни. И это меняло всё.

Глава 4. Первый урок Зоны

Они шли уже второй час, и за это время Саша понял одну простую вещь: он совсем ничего не знал о том, как ходить по земле.

Раньше это казалось само собой разумеющимся — ставишь одну ногу, потом другую, смотришь, куда идёшь, вот и вся наука. Но Кордон ходил иначе. Он не шёл — он читал землю. Каждый его шаг был выверен, каждый следующий ставился только туда, куда он смотрел, и никогда — вслепую. Он огибал открытые, ровные, удобные места и жался к развалинам, к остовам заборов, к ржавым скелетам машин. Там, где нормальный человек пошёл бы напрямик через чистое поле, Кордон делал крюк.

— Почему мы не идём вон там? — не выдержал Семён, кивая на широкую заасфальтированную дорогу, гладкую и пустую. — Там же ровно. Быстрее было бы.

— Ровно, — не оборачиваясь, повторил Кордон. — Красиво, гладко, удобно. Знаешь, малой, в Зоне есть правило: если место выглядит хорошим и лёгким, а никто по нему не ходит — значит, оно тебя убьёт. Смотри.

Он остановился, порылся в подсумке и достал горсть металлических гаек — обычных, ржавых, каких полно в любом гараже. Одну зажал в пальцах, примерился и щелчком бросил вперёд, на ту самую гладкую дорогу.

Гайка пролетела метра три — и вдруг застыла в воздухе. На долю секунды повисла, будто натолкнулась на невидимую стену. А потом воздух вокруг неё с гудением скрутился в воронку, гайку рвануло вверх и в сторону, закружило — и с силой швырнуло об асфальт так, что она отскочила и раскалилась докрасна. По ровному, гладкому месту прошла рябь, как по воде, и снова всё стихло.

— «Трамплин», — сказал Кордон буднично, будто называл погоду. — Гравитационная. Ловит на открытом. Человека вот так же подбросит и приложит — костей потом не соберёшь. А ты говоришь — быстрее.

Саша смотрел на дымящуюся гайку и чувствовал, как внутри всё холодеет. Они бы пошли там. Обязательно пошли бы. Прямо, удобно, по дорожке.

Кордон учит бросать гайку — так в Зоне находят невидимую смерть

— Вот поэтому, — продолжил Кордон, снова трогаясь с места, — в Зоне ходят с гайками. Или с болтами, кто как привык. Идёшь — кидаешь перед собой. Гайка живая — воздух чистый, топай. Гайка чудит — стой, думай, обходи. Это первое, что вы обязаны запомнить, если хотите дожить хотя бы до завтра. Кидай перед собой. Всегда. Даже там, где сто раз ходил. Зона меняется. Вчера чисто было — сегодня смерть стоит.

Он отсыпал каждому по горсти гаек. Саша ссыпал их в карман куртки, и они приятно оттягивали ткань — первый инструмент выживания, первое настоящее знание. Семён свои чуть не рассыпал, засовывая, и Кордон молча подождал, пока тот соберёт всё до последней.

— Теряешь железку — теряешь жизнь, — сказал он. — Ничего тут просто так на землю не роняй.

Они пошли дальше. Теперь Саша смотрел на мир другими глазами. Гладкое поле было уже не полем, а ловушкой. Тихая заводь у дороги — не заводью, а неизвестно чем. Красивая полянка с яркой, сочной, единственной зелёной травой посреди серого мёртвого пейзажа — Кордон обошёл её так далеко, что Саша даже спросил.

— А трава? Трава-то чем плоха? Красивая.

— Вот именно что красивая. — Кордон сплюнул. — Одна такая зелёная на всю дохлую округу. Ты подумай башкой: почему тут всё серое, а там — цветёт? Потому что она этим и живёт. Химией из земли, которую больше никто не тянет. Такая трава — это «жгучий пух» рядом или ещё какая пакость. Красота в Зоне — это приманка, малой. Как у той рыбы глубоководной, что фонариком светит. Подплыл на огонёк — и нету тебя.

Семён поёжился.

— Тут вообще есть что-нибудь безопасное? Или всё убить хочет?

— Всё, — просто ответил Кордон. — Абсолютно всё. Земля, вода, воздух, звери, люди. Особенно люди. Зона не злая, пойми. Ей на тебя плевать. Она как... как станок без кожуха. Сунешь руку — оторвёт. Не потому что ненавидит. Потому что так устроена. А кто это понял и принял — тот и ходит по ней помаленьку.

Из кармана его плаща время от времени раздавался звук — негромкое потрескивание, будто кто-то ломал сухие ветки. Саша не сразу понял, что это, а потом сообразил: прибор. Кордон достал его — плоскую чёрную коробочку с потёртым экранчиком и решёткой динамика. Дозиметр. Только не музейный, а живой, работающий.

— Считает, сколько в тебя дряни всякой сыплется, — пояснил Кордон, поймав Сашин взгляд. — Трещит спокойно — терпимо, идём. Зашёлся, как пулемёт, — беги оттуда, там «фонит» так, что за час схватишь дозу на всю оставшуюся короткую жизнь. Слушай его. Он вперёд глаз предупреждает.

— А у нас такого нет, — сказал Саша.

— У вас вообще ничего нет, — хмыкнул Кордон. — Один фонарик да пустой рюкзак. Богатые сталкеры, ничего не скажешь. Ладно. Дойдём до места — разживётесь. Если доживём.

Он всё время говорил это буднично — «если доживём», «если до вечера», — и от этой будничности было страшнее, чем от любых криков. Он не пугал. Он просто говорил как есть.

Дорога привела их к длинному бетонному забору, за которым тянулись ряды каких-то складов — не то бывшая база, не то заброшенная ферма. Кордон повёл их в узкий проход между двумя стенами, где земля была захламлена битым кирпичом и ржавой арматурой. Здесь было тесно, и гайку особо не размахнёшься — приходилось идти гуськом, след в след.

— Тут по одному, — бросил Кордон через плечо. — Строго за мной. Куда я ногу — туда и вы. Проход узкий, но чистый, я его знаю.

Он пошёл первым, Саша за ним, Семён замыкающим. И всё бы ничего, но на середине прохода Семён засмотрелся — в углу, за грудой хлама, что-то тускло блеснуло, круглое, метал-

лическое, похожее на старую армейскую флягу. А Семён с утра думал только о еде и воде. Он машинально шагнул в сторону, к блестящей штуке, сойдя с тропы всего на полшага.

И Саша, обернувшись на звук, увидел то, чего Семён не видел: прямо перед его заносимой ногой воздух был не такой. Он не дрожал ярко, как «трамплин» на дороге, — он был просто чуть-чуть маслянистым, будто на невидимое стекло плеснули воды, и она стекала вниз тягучими, медленными струйками. Тихая. Незаметная. Именно поэтому — страшная.

Саша не успел ничего крикнуть. Он просто рванулся и что было сил дёрнул Семёна за лямку рюкзака назад, на себя. Оба повалились на кучу битого кирпича, больно ударившись, а фляга — теперь стало видно — висела над самой землёй чуть в стороне, приманкой, и вокруг неё воздух так же тягуче стекал вниз.

— Ты чего?! — начал было Семён, но осёкся, увидев Сашино лицо.

Кордон обернулся. Одним движением поднял с земли обломок кирпича и кинул туда, к фляге. Кирпич влетел в маслянистый воздух — и повис. Просто повис в пустоте, как муха в меду. А потом медленно, беззвучно начал сжиматься, будто невидимый кулак стискивал его со всех сторон, пока не хрустнул и не осыпался стружкой красноватой пыли. Фляга висела там же, целая и невредимая, поблёскивая.

— «Кисель», — сказал Кордон, и голос у него был жёстче обычного. — Он же «студень». Самая подлая из всех. Не гудит, не искрит, не дрожит толком. Стоит тихо и ждёт. А приманку видали? — Он кивнул на флягу. — Не Зона её туда повесила. Это чья-то шутка. Или ловушка. Кто-то нарочно кинул железку в «кисель» — на дурака, что позарится. И дурак чуть не нашёлся. — Он в упор посмотрел на Семёна. — Ещё раз сойдёшь с тропы за блестящей побрякушкой — брошу. Слышишь? Не потому что злой. Потому что мёртвого мне тащить не на чем.

Семён был белее мела. Он открыл рот, закрыл, потом тихо сказал:

— Спасибо, Саш.

— Гайку кидай, — вместо ответа буркнул Саша, сам ещё дрожа. Голос предательски сел. — Даже в узком месте. Даже за мной. Понял? Я мог не обернуться.

Кордон перевёл взгляд на Сашу — долгий, внимательный, тот самый оценивающий взгляд. И впервые в нём мелькнуло что-то похожее на уважение.

— А ты глазастый, малой, — сказал он негромко. — «Кисель» не всякий бывалый разглядит, а ты с полушага увидел. Это хорошо. Это, может, тебя тут и вытащит. — Он снова закинул ружьё за спину. — Или закопает. Глазастые в Зоне либо дольше всех живут, либо первыми лезут куда не надо. Ты, гляди, из первых будь.

Они выбрались из прохода, и Саша ещё долго чувствовал, как колотится сердце. Он спас друга. По-настоящему, не в игре, не понарошку. И одновременно понял с ледяной ясностью: в этом месте одна секунда невнимания — и человека нет. Не ранен, не потерялся. Нет. Как того кирпича.

Ближе к полудню мутное белое солнце поднялось в зенит, но теплее не стало. Они спустились в неглубокую ложбину между двумя пологими холмами — и здесь Кордон впервые за всё утро остановился надолго. Он присел на корточки за кустом сухого бурьяна, знаком велел мальчишкам сделать то же самое и долго молча смотрел вперёд.

Саша выглянул из-за его плеча — и не понял сначала, на что смотреть. Ложбина как ложбина. Ровное дно, кое-где чахлая трава, несколько поваленных стволов. А потом он присмотрелся и увидел.

Всё дно ложбины было усеяно телами.

Не человеческими — звериными и птичьими. Вороны, зайцы, одичавшие собаки, что-то ещё, покрупнее, — десятки, сотни тушек, лежащих в неестественных позах, будто их всех разом свалило на бегу, на лету, на полушаге. Некоторые совсем свежие. Некоторые — давно

высохшие. И над всем этим воздух едва заметно подрагивал — не в одном месте, а везде, по всему дну, тонким мерцающим маревом.

— «Поле смерти», — тихо сказал Кордон. — Или «жаровня», кто как зовёт. Аномалий тут — как гороху насыпано. Одна на другой. Электра, жарка, кисель — всё вперемешку. Зверье сюда забредает и не выходит. И людей тоже... — Он не договорил, но кивнул куда-то влево, и Саша, проследив за взглядом, увидел среди звериных тушек то, чего сначала не заметил. Человека. Точнее, то, что от него осталось, — тёмный скрюченный силуэт в истлевшей одежде, с рюкзаком, вросшим в землю рядом.

Семён шумно сглотнул и отвернулся.

— И... и что, там ничего не пройти? — прошептал он.

— Пройти можно, — сказал Кордон. — Всё можно, если знаешь как. Там, по кромке, есть тропа. Узкая. По ней аномалии обойти получается — если гайки не жалеть и башку не терять. Только мы туда не полезем. Нам не надо. Я вам это показал, чтоб вы запомнили, как оно выглядит. Такие места издали видно — по зверью. Много дохлятины в одном месте, воздух дрожит, тихо, птицы не летают. Увидели — обходите за версту. Всегда.

Он уже собирался подниматься, когда Саша, всё это время шаривший глазами по краю страшной ложбины, вдруг схватил его за рукав.

— Стойте. Там. Смотрите.

У самой кромки «поля смерти», зацепившись за сухую корягу, трепыхалось на ветру что-то яркое, чужеродное среди всей этой серости и смерти. Кусок ткани. Сине-белый, в клетку. Саша узнал бы его из тысячи.

— Это рубашка Витьки, — выговорил он. — Скворцова. У него такая была. Точно такая. Он в ней вчера был.

Кордон медленно опустился обратно на корточки. Прищурился, разглядывая тряпку, потом землю вокруг.

— Тихо. Не дёргайся. — Он всматривался долго, читая землю так, как Саша не умел. — Следы тут. Свежие, вчерашние. Кроссовки, мелкие, детские. Несколько человек. Шли по кромке, вон оттуда. — Он показал. — И, похоже, прошли. Не легли тут. Дальше ушли, вон туда, на юг.

Сердце у Саши заколотилось.

— Значит, они живые? Кто-то из наших живой?

— Кто-то — был живой вчера, — жёстко поправил Кордон. — И был вон там. Это не одно и то же, что «живой сегодня и здесь». Запомни разницу, малой, крепко запомни, а то надежда — она в Зоне быстрее аномалии убивает. Понадеешься, кинешься сломя голову — и сам ляжешь рядом.

Он поднялся, отряхнул колени.

— Но след есть. И идёт он туда же, куда и нам, — на юг, к людям. Так что, может, и свидитесь ещё с друзьями. Если и они с головой оказались, и мы. — Он закинул ружьё поудобнее. — Пошли. И теперь смотрите вдвое внимательнее. Раз тут ваши прошли — может, и ещё кто по этому следу идёт. А не все, кто по следам ходит, — добрые.

Они обошли «поле смерти» широкой дугой, как учил Кордон, — по верху холма, по твёрдой, каменистой земле, где ничего не росло и не дрожало. Саша перед каждым десятком шагов бросал гайку, как ему было велено, и с замиранием сердца следил, как она падает — живая, обычная, звонко цокая о камни. Живая гайка — живой ты. Он повторял это про себя, как заклинание.

А сине-белая тряпка ещё долго виднелась позади, трепыхаясь на ветру над полем мёртвых, — как флажок, как метка, как первое доказательство того, что где-то там, впереди, в глубине огромной новой Зоны, кто-то из класса всё-таки уцелел. И Саша дал себе слово, шагая

по каменистой тропе за широкой спиной Кордона: он их найдёт. Кого сможет — найдёт. Чего бы это ни стоило.

Он ещё не знал, чего это будет стоить.

Глава 5. Хутор на болотах

К вечеру они вышли к воде.

Саша сначала услышал её — тихий, чавкающий плеск, совсем не похожий на говор чистой реки, — а потом и увидел: перед ними, до самого горизонта, лежало болото. Огромное, серо-бурое, поросшее рыжей осокой и мёртвыми, торчащими из воды деревьями, чёрными и голыми, как обугленные пальцы. Над ним стелился низкий туман, и в этом тумане то тут, то там вспыхивали и гасли болотные огоньки — зеленоватые, холодные, манящие.

— Пришли, — сказал Кордон, останавливаясь на краю. — Дальше — Гнилые топи. Через них тропа на юг, к людям. Но по темноте туда лезть — самоубийство. Заночуем на хуторе. Тут неподалёку есть один. Живёт там старик, дед Матвей. Свой человек. Если пустит.

— А если не пустит? — спросил Семён.

— Тогда под открытым небом. И молись, чтоб к нам ночью в гости никто не пришёл. — Кордон уже шагнул вдоль кромки болота, ловко выбирая твёрдые кочки. — На болотах ночью такое ходит, что тебе и в страшном сне не приснится.

Хутор оказался кучкой покосившихся построек на небольшом бугре, островом суши посреди топи. Бревенчатая изба с провалившейся местами крышей, сарай, остатки забора, колодец с журавлём. В единственном целом окне избы горел слабый жёлтый огонёк — свеча или лучина. Значит, старик и правда был жив.

Кордон остановился шагах в тридцати и, сложив ладони, крикнул — негромко, но так, что звук долетел:

— Матвей! Матвей, старый чёрт, не пали! Это Кордон! Один я, со своими! Пусти на ночь!

Ответом была тишина. Потом скрипнула дверь, и на крыльцо, держа перед собой старое двустольное ружьё, вышел дед — маленький, сухой, сгорбленный, с длинной седой бородой и в накинута на плечи тулупе. Он долго вглядывался в сумерки подслеповатыми глазами, потом опустил ружьё.

— Кордон? Ты, что ли? Живой, бродяга... А это кого притащил? — Он прищурился. — Никак дети? Кордон, ты сдурел на старости лет? Откуда в Зоне дети?

— Долгая история, дед. Пусти в тепло — расскажу. Замёрзли, голодные. Не бросать же было.

Дед Матвей поворчал, но посторонился, впуская их в избу.

Внутри было тесно, дымно и тепло — по-настоящему тепло, впервые за эти сутки. В углу гудела маленькая печка-буржуйка, на стенах висели пучки сушёных трав, связки каких-то кореньев, старые капканы. Пахло дымом, травами и чем-то съедобным — и от этого запаха у Саши закружилась голова, а в животе громко, требовательно заурчало.

— Садитесь к печке, грейтесь, — буркнул старик, гремя чугунами. — Уху будете. Не побрезгуете болотной рыбой — она тут чистая, я места знаю, где ловить, где не фонит. Не то что городские ваши консервы.

Пока варилась уха, Кордон коротко, без прикрас рассказал деду, как нашёл мальчишек в Речном. Дед Матвей слушал молча, кивал, время от времени бросая на ребят острые, совсем не старческие взгляды. Когда Кордон закончил, старик долго молчал, потом сказал:

— Под автобусом, значит. В большой выброс. — Он покачал головой. — Знаешь, что это значит, Кордон? Не просто повезло им. Так не везёт. Тут другое.

— Ты про своё опять, дед?

— Про своё. — Матвей разлил уху по мискам, протянул мальчишкам. — Ешьте, потом поговорим.

Уха была божественная. Саша ел, обжигаясь, и чувствовал, как тепло разливается по телу, как отступает страх, как впервые за сутки можно просто сидеть и не ждать смерти из-за каждого угла. Семён уплетал за обе щеки и уже через минуту снова стал похож на себя прежнего — даже причмокивал от удовольствия.

— Вкусно, дед, — сказал он с набитым ртом. — Спасибо. Правда очень.

Старик усмехнулся в бороду, и его суровое лицо на миг подобрело.

— Ешь, ешь. Тощий больно.

Пока мальчишки доскребаали миски, Саша разглядывал избу. Теперь, отогревшись, он замечал детали, которых не увидел сразу. На стене, под связками трав, висела старая, выцветшая фотография в самодельной рамке: молодой военный в форме, с серьёзным лицом, а рядом — женщина и маленькая девочка, все трое улыбаются, на фоне обычного городского двора с качелями. На гвозде рядом — потемневший от времени иконостас в углу, лампадка. А на полке над печкой Саша разглядел то, от чего у него ёкнуло сердце: рядок игрушек. Деревянная лошадка, облезлый плюшевый мишка, пластмассовая кукла без руки. Детские игрушки. В избе, где тридцать лет жил один старик.

Матвей поймал его взгляд. Лицо старика на миг застыло.

— Внучка была, — сказал он глухо, отвернувшись к печке. — Настенька. И дочь. И зять, вон, на карточке, военный. Тут жили, в этих краях, ещё до второй Зоны, когда граница дальше проходила. — Он замолчал, пошевелил кочергой в топке. — В выброс попали. Давно. Я на охоте был, на дальних озёрах, задержался. Вернулся — а хутора соседнего, где они гостили, и нету. Как языком слизнуло. И их нету. Всех троих. — Он выпрямился, и глаза у него были сухие, но какие-то мёртвые. — С тех пор тут и сижу. На отшибе. Игрушки вон храню. Дурь стариковская, а выбросить рука не подымается.

В избе повисло молчание. Семён перестал жевать. Саша не знал, что сказать, — да и что тут скажешь.

— Ты это к чему, Матвей? — тихо спросил Кордон.

— А к тому, — старик повернулся к ним, и голос его окреп, — что я этих детей, — он кивнул на Сашу с Семёном, — просто так в топку не пущу. Насмотрелся я, как Зона детей жрёт. Хватит с меня. — Он пристукнул ладонью по столу. — Ночуете тут. Отсыпаетесь. А утром я вам такую тропу через топи покажу, какую ни один вольный не знает. Свою. Тридцать лет хожена. Понял, Кордон?

— Понял, — кивнул тот. — Спасибо, дед.

— «Спасибо»... — проворчал Матвей, но уже мягче. Он налил всем ещё по половине миски, хоть его и не просили, и, дождавшись, пока мальчишки снова возьмутся за ложки, заговорил о другом — о том, ради чего, видно, и затеял весь разговор. — А теперь слушайте, что старый Матвей вам скажет. Я тут, на топях, тридцать лет живу. Ещё с той, первой Зоны. Всякого навидался. И вот что я вам скажу про этот выброс. Он неправильный был.

— Все выбросы неправильные, — хмыкнул Кордон.

— Не перебивай старших. — Матвей поднял узловатый палец. — Обычный выброс идёт из центра, от станции, волной. Раз в несколько дней, по погоде, по приметам — я их наперёд чувю, вот тут ломит. — Он постучал по колену. — А этот... этот шёл не только из центра. Он шёл отовсюду. Будто вся Зона разом вздохнула. И расширилась. Я такого за тридцать лет ни разу не видел и не слышал, чтоб старики рассказывали. Что-то в центре сломалось. Или, наоборот, проснулось.

По спине у Саши пробежал холодок. Он вспомнил дрожащее марево над горизонтом ещё до выброса, вспомнил стрелку музейного дозиметра, которая ползла к красному, когда прибор был выключен.

— Дед, — сказал он тихо, — а можно спросить? Я в музее видел. Дозиметр. Он выключенный был, в витрине. А стрелка двигалась. Ещё до того, как всё началось. Как будто он что-то чувствовал заранее. Так бывает?

Матвей замер с ложкой в руке. Медленно повернулся к Саше и уставился на него так пристально, что мальчику стало неуютно.

— Заранее, говоришь, — проговорил он. — Выключенный прибор. И стрелка ползла. — Он переглянулся с Кордоном, и в этом взгляде было что-то, чего Саша не понял, но что ему очень не понравилось. — Вот что, паренёк. Приборы иногда чувствуют выброс за минуту-две. Наводка, поле, всякое такое. Но чтоб выключенный, музейный, ржавый — да за час до того, как рвануло... Такое чувствуют не приборы. — Он помолчал. — Такое чувствуют люди. Особенности. Которых Зона метит.

— Матвей, — предостерегающе сказал Кордон. — Не грузи пацана.

— А чего не грузить? — окрысился старик. — Ему теперь тут жить, коли выжить хочет. Пусть знает. — Он снова повернулся к Саше. — Есть такие, малец, кого Зона... чувствует. И кого они чувствуют её. Редко-редко рождается такой. Кто выброс заранее слышит, кто через аномалию пройдёт и не заметит, кому артефакт сам в руку идёт. Их по-разному звали. Меченые. Проводники. — Он понизил голос до шёпота. — А в центре, у самого Монолита, про таких особый разговор был. Их туда... звали.

В избе повисла тишина. Только потрескивала печка да где-то далеко, на болотах, ухнуло что-то тяжёлое и мокрое.

Изба деда Матвея на болотах — первый тёплый угол в новой Зоне

— Ерунда всё это, — сказал наконец Кордон, но как-то без уверенности. — Совпадение. Прибор старый, стрелку замкнуло, вот и ползла. Не забивай себе голову, малой. Тебе сейчас об одном думать надо — как ноги отсюда унести живым.

Но Саша видел: сам Кордон в это не очень-то верит. И видел, как смотрит на него дед Матвей — с тревогой и любопытством одновременно, будто на редкую птицу, которую и жалко, и боязно.

Спать легли на полу, на брошенных тулупах и старых одеялах, у тёплого бока печки. Семён уснул мгновенно, едва коснувшись головой свёрнутой куртки, — сказались страх, уста-

лость и сытость. А Саше не спалось. Он лежал, смотрел на пляшущие по потолку отсветы огня и думал.

Меченый. Проводник. Тот, кого Зона чувствует.

Он не хотел быть никем таким. Он хотел домой. Хотел, чтобы всё это оказалось страшным сном, хотел проснуться в своей кровати под мамино ворчание про незастёгнутую куртку. Но где-то в глубине, там, куда он старался не заглядывать, шевелилось нехорошее, холодное понимание: дед прав. Он и правда почувствовал выброс. Ещё в автобусе, когда увидел дрожащий воздух над горизонтом и промолчал. Что-то в нём отозвалось на Зону раньше, чем она ударила.

Он повернулся на бок и вдруг заметил, что дед Матвей не спит — сидит у печки, набивает трубку и смотрит на него.

— Не спится, меченый? — тихо, чтоб не разбудить остальных, спросил старик.

— Не зовите меня так, — так же тихо ответил Саша. — Пожалуйста. Я обычный.

— Может, и обычный. — Матвей раскурил трубку, пыхнул дымом. — А может, и нет. Тут, малец, вот какое дело. Зона — она ведь не просто отраву да аномалии. Она... живая, по-своему. И у неё есть сердце. Там, в центре. Монолит. Кто до него доходил — не возвращался. А кто возвращался — лучше б не возвращался. — Он помолчал. — Но я так думаю: коли она тебя пометила да под автобусом уберегла, когда весь твой класс размело, — значит, ты ей за чем-то нужен. А раз нужен — рано или поздно она тебя к себе потянет. К сердцу. Хочешь ты или нет.

— А если я не пойду?

Старик долго смотрел на огонь.

— Все так говорят, — сказал он наконец. — Все поначалу не хотят. — Он выбил трубку. — Спи, паренёк. Утро вечера мудренее. И вот что: держись Кордона. Он ворчун и сухарь, но человек честный, каких в Зоне по пальцам пересчитать. С ним у тебя есть шанс. Один. Не потеряй его.

Саша закрыл глаза. За окном, в тумане над Гнилыми топиями, всю ночь вспыхивали и гасли холодные зелёные огни — будто сама Зона не спала и смотрела на хутор. Смотрела на него.

И где-то очень далеко, в самом её сердце, что-то медленно, ровно пульсировало. Как гигантское каменное сердце. Тук. Тук. Тук.

Глава 6. Гнилые топи

Утро на болотах было серым и промозглым. Туман не рассеялся с рассветом — наоборот, будто загустел, лёг на воду плотным одеялом, из которого торчали только чёрные верхушки мёртвых деревьев. Саша проснулся от холода, пробравшегося даже сквозь тулуп, и не сразу понял, где он. Потом вспомнил всё разом — выброс, город, псов, Кордона, деда с его страшными словами, — и на душе стало тяжело.

Дед Матвей уже возился у печки. На столе стояли три миски с горячей кашей и лежала краюха тёмного хлеба.

— Ешьте плотно, — сказал он, не оборачиваясь. — По топям натошак не ходят. Силы понадобятся. И это. — Он поставил перед Кордоном небольшой холщовый мешочек. — Тут сухарей, соли, спички в вощёнке. Больше дать не могу, самому зимовать.

— Спасибо, дед. — Кордон убрал мешочек. — Век не забуду.

— Забудешь, — беззлобно проворчал старик. — Все забывают. Зона память отшибает. — Он повернулся к мальчишкам, и взгляд его смягчился. — Ну, глядите у меня. Слушайтесь Кордона. И... — он замялся, потом сунул Саше в руку что-то маленькое, твёрдое, тёплое, — держи. От меня. На удачу.

Саша разжал ладонь. На ней лежал странный предмет — гладкий, обкатанный, похожий на кусок мутного зеленоватого стекла, но тёплый, будто живой, и внутри него что-то едва заметно переливалось, как масляное пятно на воде.

— Что это? — прошептал он.

— Артефакт. Слабенький, «капля» называется. Пустышка почти, дорого не продашь. Но кровь останавливает и раны затягивает быстрее, ежели к телу приложить. И... — старик понизил голос, — тебя, меченого, он маленько прикроет. Как поводок. Чтоб Зона тебя не так громко чуяла. Носи на шее, не снимай. Понял?

— Понял. Спасибо, дед.

— Иди уже. И живой будь. Слышишь? Живой.

Кордон посмотрел на артефакт в Сашиной руке, потом на деда, и что-то хотел сказать, но промолчал. Только нахмурился сильнее обычного.

Они вышли на крыльцо. Туман стоял стеной. Хутор, тёплый и живой ещё минуту назад, тут же растворился за спиной, будто его и не было. Впереди была только серая муть, чёрные деревья и предательская, чавкающая под ногами топь.

— Так, — Кордон обернулся к ребятам, и лицо у него было такое серьёзное, каким они его ещё не видели. — Теперь слушать в оба, как никогда раньше. Топи — самое поганое место на всём нашем пути. Тут аномалий меньше, чем на большой земле, но тут другая беда. Трясина. Шаг влево, шаг вправо мимо тропы — и засосёт, не выберешься, я и вытащить не успею. Поэтому идём цепочкой. Я первый, гайки кидаю и тропу щупаю. Саша за мной, след в след. Семён замыкающий. Ступаешь только туда, куда ступил передний. Не левее, не правее. Понятно?

— А почему я замыкающий? — насупился Семён.

— Потому что ты тяжелее, — отрезал Кордон. — Если под кем тропа и провалится, так пусть под последним, когда мы уже знать будем, что тут гнилое место. Не обижайся, малой. Тут не до обид. Тут выжить бы.

Они пошли. Кордон двигался медленно, прощупывая перед собой землю длинной палкой, которую подобрал у хутора, бросая гайки в подозрительные места. Тропа была едва различима — чуть более твёрдая полоса среди чёрной жижи, петляющая между кочек и мёртвых

стволов. Идти приходилось порой по колено в холодной вонючей воде, и каждый шаг давался с трудом: ноги вязли, засасывались, и вытаскивать их было тяжело.

Туман глушил звуки. Саша слышал только собственное хриплое дыхание, чавканье грязи да редкое цоканье гаек. Иногда где-то в стороне что-то всплёркивало — тяжело, будто в воду опускалось большое тело, — и тогда Кордон замирал, вслушивался, и они стояли по несколько минут неподвижно, пока он не решал, что можно идти дальше.

— Что это плещет? — не выдержал Семён после очередной остановки. Голос у него дрожал.

— Не знаю, — тихо ответил Кордон. — И знать не хочу. Что бы это ни было — оно большое. И оно в воде. А мы по краю воды идём. Так что тихо. Очень тихо.

Они шли уже несколько часов. Мутное солнце ползло где-то за туманом, не в силах пробиться, и понять, сколько прошло времени, было невозможно. Саша устал так, что перестал бояться, — на страх просто не осталось сил. Он тупо переставлял ноги, глядя в спину Кордона, повторяя его шаги, как заведённый.

И всё-таки топь их едва не забрала.

Семён, шедший последним, на миг отвлёкся — оступился, ушёл с твёрдой полосы на полшага в сторону. И тут же провалился — по колено, по пояс, — а чёрная жижа с жадным чавканьем потащила его вниз. Он забился, задёргался — и от этого стал уходить только быстрее.

— Не дёргайся! — рявкнул Кордон, разворачиваясь. — Замри! Чем больше барахтаешься, тем глубже! Руки в стороны, ложись на спину, не суетись!

Семён, побелев от ужаса, замер. Трясина держала его мёртвой хваткой, засосав уже почти до груди. Кордон в один миг оценил обстановку.

— Палку! — крикнул он Саше. — Ту, длинную, я обронил, у кочки! Живо, только по тропе, след в след!

Саша метнулся назад, схватил Кордонову палку-щуп, вернулся. Кордон лёг на живот на твёрдую полосу, распределяя вес, и протянул палку Семёну:

— Хватай! Обеими! И не тяни — просто держись! Мы тебя вытянем!

Семён вцепился в палку побелевшими пальцами. Кордон потянул — осторожно, ровно, без рывков, — а Саша ухватился за пояс наставника и тянул его. Трясина не отдавала, чавкала, сосала, будто живая. Семён хрипел, по лицу текли слёзы пополам с грязью. Медленно, страшно медленно чёрная жижа поддавалась — по сантиметру, по чуть-чуть. Наконец с отвратительным всхлипом болото выпустило добычу, и Семён выполз на тропу — мокрый до нитки, воняющий тиной, дрожащий, но живой.

— Живой, — выдохнул он, лёжа щекой на холодной земле. — Опять живой. Сашка, сколько ж можно-то...

— Пока не привыкнешь, — мрачно сказал Кордон, поднимаясь и отряхиваясь. — Топь, малой, она тихая. Не рычит, не кидается. Просто ждёт, когда оступишься. И это, считай, самое честное, что в Зоне есть: сам оплошал — сам и тони. — Он помог Семёну встать. — След в след. Я ж говорил. Теперь понял, почему?

— Понял, — стуча зубами, выдавил Семён. — На всю жизнь понял.

Они шли ещё долго.

А потом Кордон остановился. Резко. Вскинул руку — «замри».

Саша замер. Сзади ткнулся в него Семён и тоже застыл.

Впереди, шагах в двадцати, из тумана проступал остров — клочок твёрдой земли с несколькими деревьями и остовом какой-то старой постройки. Через него шла тропа. Другого пути не было — топь справа и слева. А на острове, между деревьями, что-то было.

Сначала Саша принял это за корягу. Потом — за поваленное дерево. А потом «коряга» шевельнулась.

Это было существо. Огромное, сгорбленное, покрытое не то шкурой, не то коростой болотной тины, оно сидело на корточках у самой тропы, повернувшись к ним спиной, и что-то делало — склонившись, возилось с чем-то на земле. Длинные передние лапы с перепонками между пальцами. Бугристая, безволосая спина. И запах — теперь Саша почувствовал запах, который туман принёс от острова: тухлятина, гниль, смерть.

Кордон медленно, очень медленно попятился, оттесняя мальчишек назад, за поваленный ствол, в редкие кусты у тропы. Пригнул их к земле. Приложил палец к губам. Лицо у него было белое.

— Болотный, — выдохнул он одними губами, так тихо, что Саша скорее прочитал по губам, чем услышал. — Кровосос. Молодой, но... — Он не договорил.

Саша не знал этого слова — кровосос, — но по лицу Кордона понял: это очень, очень плохо. Хуже слепых псов. Хуже всего, что они видели до сих пор.

Тварь на острове снова шевельнулась. Приподнялась. И Саша увидел её морду — вернее, то, что было вместо морды: пучок толстых, шевелящихся щупалец-отростков вокруг круглой пасти, усаженной кольцами зубов. Голова поворачивалась из стороны в сторону — существо принюхивалось. У него, кажется, не было глаз. Оно искало добычу нюхом.

Кровосос на болотном острове — тварь с пучком щупалец вместо лица

И тут случилось страшное. Тварь начала... исчезать. Не уходить — именно исчезать, растворяться в воздухе, будто её стирали. Через секунду на острове не было никого. Только дрожал воздух там, где она только что сидела, — как марево над аномалией.

— Невидимый, — прошептал Кордон, и Саша впервые услышал в его голосе настоящий страх. — Он нас учуял. Ищет. Не двигайтесь. Что бы ни было — не двигайтесь. Он на движение и на запах идёт. Стойте как мёртвые.

Они замерли. Саша перестал дышать. Он слышал, как оглушительно колотится сердце, и ему казалось, что тварь тоже это слышит. Где-то совсем близко хлопнула вода под невидимой лапой. Раз. Другой. Существо сходило с острова, шло по тропе — прямо к ним. Саша чувствовал волну тухлого запаха, которая приближалась, накатывала. Слышал влажное, свистящее дыхание в двух шагах. В одном.

Ближайший к ним куст качнулся, хотя ветра не было.

Семён, до этого стоявший как каменный, не выдержал. Ужас оказался сильнее приказа. Он всхлипнул — тихо, но в мёртвой тишине этот звук прозвучал как выстрел — и дёрнулся назад.

Воздух перед ними мгновенно сгустился, обретая очертания сторбленной твари, и щупальца на морде взметнулись, разворачиваясь в их сторону.

Дальнейшее заняло секунды.

Кордон вскинул ружьё и выстрелил — почти в упор, в проступающий силуэт. Грохот разорвал тишину болот. Тварь взвыла — жутким, булькающим, нечеловеческим воем — и отшатнулась, снова частично исчезая, но Кордон уже орал:

— Бегом! По тропе, на остров и дальше! Саша — веди Семёна! БЕГОМ!

Саша не думал. Тело сработало само. Он рванул Семёна за куртку и бросился вперёд — по узкой тропе, мимо того места, где корчилась раненая тварь, на остров, дальше, в туман. Ветки хлестали по лицу, ноги разъезжались в грязи, за спиной снова грохнул выстрел и раздался вой, ещё более злобный.

— Не в воду! — кричал сзади Кордон, топоча следом. — По тропе держись! В воду сойдёшь — конец!

Они пронеслись через остров, мимо остова постройки, и тропа снова нырнула в топь. Саша бежал, из последних сил удерживаясь на твёрдой полосе, таща за собой хрипящего, задыхающегося Семёна. Сзади слышался плеск — тварь гналась за ними, то возникая, то пропадая, но по тропе, среди трясины, даже она не могла двигаться быстро.

Сколько они бежали, Саша не помнил. Ноги отказывали, лёгкие горели, в боку кололо так, что темнело в глазах. Но он бежал — потому что позади была смерть с щупальцами вместо лица, а впереди — хоть какой-то шанс.

Наконец тропа пошла вверх, под ногами захрустела твёрдая земля, чёрные деревья расступились, и они вывалились из тумана на сухой пригорок, поросший настоящей, живой травой и редким кустарником. Топи кончились.

Саша рухнул на колени, хватая ртом воздух. Рядом свалился Семён — красный, мокрый, с выпученными глазами, но живой. Последним поднялся на пригорок Кордон — тяжело дыша, с ружьём наперевес, он развернулся и долго смотрел назад, в туман, откуда они выбрались.

Плеск стих. Тварь не пошла на сухую землю.

— Ушли, — выдохнул наконец Кордон и опустил ружьё. Руки у него заметно дрожали. — Ушли. Повезло. Опять повезло. — Он посмотрел на Сашу странным, долгим взглядом. — Слишком часто вам везёт, ребята. Слишком часто.

— Что... что это было? — просипел Семён, всё ещё не отдышавшись.

— Кровосос. — Кордон сел прямо на землю, вытер лицо. — Один из самых поганых, кто в Зоне водится. Пьёт кровь, отсюда и звать так. Невидимым делается — не совсем, а так, глаз обманывает, будто марево. Молодой это был, оголодавший, потому и один охотился, потому и отступил, как получил заряд. Взрослый бы нас не отпустил. — Он повернулся к Семёну, и в голосе его не было злости — была смертельная усталость. — А ты, малой... Я ж сказал — не двигаться. Он бы, может, мимо прошёл. Учуй бы, потоптался и ушёл. А ты дёрнулся.

Семён опустил голову. Губы у него задрожали.

— Я... я не смог. Оно так близко было. Я не смог, дядя Кордон. Простите.

Кордон посмотрел на него, и суровое лицо смягчилось. Он вздохнул.

— Ладно. Чего уж. Ты пацан, а не сталкер. Никто с первого раза кровососа рядом не выдерживает, я сам в первый раз штаны намочил, чего греха таить. — Он неуклюже потрепал Семёна по плечу. — Живы — и ладно. Но запомни, намертво запомни: в Зоне страх слушаться нельзя. Страх — он правильный, он жить помогает. Но командовать им нельзя дать. Кто страху подчиняется — тот покойник. Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.